

Архимандрит Антонин

Из Румелии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А87

А87 **Архимандрит Антонин**
Из Румелии / Архимандрит Антонин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 697 с.

ISBN 978-5-4241-5634-2

В книге отсутствует 30 страница

ISBN 978-5-4241-5634-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИЗЪ РУМЕЛИИ.

Бочелскы пжтъ. Вторникъ. 1 Юня 1865.

Нагостились мы въ именитомъ городѣ древняго богатыря *Иракла* ¹⁾, не совершивъ ничего, походяго на его знаменитые и препрославленные девять (или 12) „подвиговъ“, закрѣпившихъ за нимъ божественное право безсмертія, хотя казалось бы, оно и безъ того принадлежало ему, въ силу выданнаго ему мифологіей метрическаго свидѣтельства, въ коемъ значится, что такого-то числа и года въ городѣ Седмивратныхъ *Θивахъ* у *Віогійскаго* царя *Амфитріона* и законной жены его *Акмены* родились близнецы мужеска пола: *Ираклизъ* ²⁾ и *Ифимлизъ*, изъ коихъ первый признанъ родителями за сына *Зевса Апатеона* ³⁾. Да и самъ градодержецъ (*πολιούχος*) *Витоля* не

---

¹⁾ Припомнимъ, что на мѣстѣ *Витоля* предполагаютъ бывшій нѣкогда городъ *Ираклію*.

²⁾ Полагаютъ, что собственное имя Геркулеса было *Акидъ*. А *Иракломъ* онъ названъ впоследствии за то, что самъ досталъ себѣ славу (*ἦρεν κλέος*). Но имя брата его *Ифимлизъ* говоритъ противъ этого предположенія.

³⁾ Къ 204-мъ прозвищамъ *Зевса-Юпитера* мы отъ себя прибавляемъ 205-е *ἀπαταίων* (обманщикъ), надѣемся, болѣе другихъ подходящее къ нему, особенно же пригодное въ исторіи отношеній его въ *Амфитріону* и *Акмента*.

больше нашего сдѣлать бы, еслибы жилъ въ наше время. Овладѣть намъ, подобно храброму полубогу, шкурою „Льва Немейскаго“ и подумать нельзя, послѣ того, какъ ее стерегутъ съ десятокъ лѣтъ крѣпкіе охотники въ 10 глазъ. Убить „Гидру Лернскую“ девятиглавую не могли, не намъ чета — исполины — 400 лѣтъ неволи. Для захвата живымъ „Вепря Эрیمانскаго“ у насъ руки коротки, а у кого онѣ достаточно длинны, тому чѣмъ больше вепрей, тѣмъ лучше. Если не очищать, то провѣтривать „конюшни царя Авгія“, начали уже и безъ насъ; только еще недостаточно заготовлено лопать — за горами ¹⁾. Однимъ могли бы мы похвалиться — „Гесперидскимъ яблокомъ“, украденнымъ нами изъ подъ глазъ Марка Краевича, — кириллицей 996 года, да и тутъ еще сомнѣніе, точно ли оно золотое, или только такимъ кажется. Мѣстные геркулесы предупредили насъ, замѣтивъ, что слава открытія нашего затмится въ Охридѣ, гдѣ есть несомнѣнный памятникъ славянской письменности 916 года. На 80 лѣтъ древнѣе? Дай Богъ!

Итакъ, прощай *Румелия!* Но — не прощай славянщина. Напротивъ, можно сказать ей только еще: здравствуй! Мы направляемся въ самое сердце ея — въ *Старую Болгарію*. *Пекъ* для *Старой Сербіи* и *Охрида* для *Старой Болгаріи*, это тоже, что нашъ Кіевъ для Старой Россіи. Не имѣя въ настоящее время возможности, или точнѣе рѣшимости пробраться въ первый, за то съ бѣльшимъ увлеченіемъ мы стремимся въ пресловутую *первую Юстиніану*, родину великаго императора, занесшаго съ собою славянскую кровь на престолъ Кесарей. Мнѣ припоминается слышанный лѣтъ за 15 передъ этимъ, восторженный отзывъ одного бывальца грека о мѣстоположеніи города. „Охридское озеро, говорилъ онъ, это цѣлое море прѣсной воды, обставленное горами. Городъ царствуетъ надъ нимъ, утопая въ зелени садовъ.

---

¹⁾ Четыре эти непосильныя статьи мы можемъ для любителей таинственнаго означить начальными буквами Т... Е... П... С...

Какая земля тучная! Какая дешевизна во всемъ! Какіе люди добрые!“ Это глашаль „старый грекъ“, время войны за независимость, еще не помазанный новымъ, антиславянскимъ патриотизмомъ. Нынѣшній зилоть вмѣсто: „добрые“, сказалъ бы вѣрно: „простые“, а думалъ бы при томъ: „глупые“ или еще выразительнѣе: „толстоголовые“ (χουτροκέφαλοι). Свѣтлыя представленія Охридскаго оазиса омрачаются у насъ однакоже зрѣлищемъ неумолимо-сѣраго неба. Укладываемъ вещи и уныло слушаемъ бьющій въ кровлю дождь. А что, какъ барометръ?—спрашиваю я. Тутъ въ горахъ и на уровнѣ 2,000 футовъ, машинки плоскоземной Европы не имѣютъ хода и кредита, отвѣчаютъ мнѣ. Нашъ барометръ—вонъ, гора Перистери. Посмотрите, какая на ней чалма съ кистями и завитками, — точно приготовилась къ байраму. Дождя у нея, полагать надо, хватить проводить дорогихъ гостей за *Престу*. А тамъ — не ея вѣдомство, тамъ уже барометруетъ славный *Пиндъ*, у котораго хотя тоже не мало прозаической влаги, но есть и огонь поэзіи. Не веселое напутіе, а нечего дѣлать. Надобно ѣхать. Хозяинъ не хотѣлъ насъ пустить въ дорогу тощихъ, и потому сборы наши длились до 11 часовъ. Прощаніе наше было трогательно до слезъ. Онѣ служили данью нашему продолжительному и короткому знакомству съ человѣкомъ бобылемъ, какъ мы сами, не хотѣвшимъ или не умѣвшимъ устроить жизни своей по общему типу „семейнаго очага“ со всею его мирною и блажащею обстановкою. Печальное лицо вольнаго пустытника, провожавшее насъ съ балкона оставленнаго нами дома, врѣзалось въ памяти моей такъ глубоко, какъ ничто другое въ Битолѣ и въ Македоніи ¹⁾).

---

¹⁾ Миръ духу его! *Николай Федоровичъ Якубовскій* уже отошелъ ко Господу, завѣщавъ похоронить себя на Аеонѣ. Замѣч. 1876 г.

Гръзами. 1 Юня. Ночь.

Кстати надобно проститься и съ Македоніей. Великое имя со-всѣмъ не соотвѣтствуетъ размѣрамъ именуемаго. Всю Македонію съ востока на западъ можно проѣхать въ три дня, что составитъ протяженіе около 150 верстъ. А съ юга на сѣверъ оно не дойдетъ и до этой цифры. Хотя мы и говоримъ: проститься, но чуть ли давно уже не простились мы съ нею ¹⁾. Плиній говоритъ, что сѣверную часть Македоніи защищаютъ отъ *Трибалловъ* (славянъ) ²⁾ *Пеонія* и *Пелагонія*. А по Страбону Пеоны-то и назывались Пелагонами. Но, хотя тѣ, хотя другіе, только очевидно уже не Македонцы. Оставляя и ихъ наконецъ, вмѣстѣ съ предѣлами Пеоніи, въ какую другую страну древности направимся мы? Наименованіе *Болгаріи*, хотя бы и *Старой*, ново. Древнѣе его мы всрѣчаемся тутъ съ *Иллиріей* или *Иллиридой*, и притомъ—*Греческой*. Имя это читается у географа *Стефана*, но, подобно столькимъ другимъ областнымъ названіямъ, конечно не обозначаетъ чего нибудь, точно опредѣленнаго, и даже чуть ли не есть только плодъ сбивчивыхъ понятій писателя объ *Иллирикъ*. Самое давнее, засвидѣтельствованное Птолемеемъ и Титомъ Ливіемъ, имя земли, лежащей впереди насъ, есть страна *Дассаретіевъ* (*Dassaretii*, *Δασσαρητιοί*) т. е. конечно *Дассаретійцевъ*, изъ коихъ Стефанъ сдѣлалъ особый народъ иллирійскій *Дассаритовъ*. Такъ какъ окончанія: *etii* и *їтаи* очевидно суть грамматическія формы, то подлинное имя старожитовъ мѣста будетъ: *Дассары*, а еще вѣроятнѣе — *Дассарцы*, но... боюсь впасть въ панславизмъ и натолкнуть этнологовъ на мысль, не

---

¹⁾ Однакоже *Страбонъ* (Z. 323), идя по *Via Egnatia* съ Запада на Востокъ и не доходя до *Иракліи*, упоминаетъ *πυλῶνος τόπος*, разграничивающее *Иллириду* и *Македонію*.

²⁾ Пуквиль въ *Трибаллахъ* видитъ *Босняковъ* (Т. III. стр. 6), а приводимый имъ (*ibid*) историкъ крестовыхъ походовъ—*Печенеговъ!*

были ли то скорѣе *Дайтшары*, не безызвѣстные въ наше время. Но довольно и сего съ насъ — простыхъ туристовъ.

Давно уже мы ѣдемъ параллельно сѣверному склону Перистери. Игривый *Драгоръ* многократно подбѣгаетъ къ дорогѣ нашей, шумя и ворча своею мутною водою. Не носить ли онъ въ своемъ имени остатка отъ народнаго названія древнихъ обитателей мѣста? Три буквы есть. Столько же, значитъ, основанія къ сближенію двухъ именъ, сколько и въ попыткѣ патріотовъ отыскивать въ *Драгоръ* древній *Эригонъ*. Говорю это, не вѣря ни тому ни другому предположенію и говорю собственно отъ нечего дѣлать. Нечѣмъ занять зрѣнія, а слѣдовательно и вниманія. Ничего выдающагося по сторонамъ нѣтъ. За то впереди насъ прямо въ лицо смотритъ грозная туча, въ которую хотя-нѣ-хотя вперяешь безпокойный взоръ. Молнія все чаще и чаще разсѣкаетъ сѣрую бѣлесоватую массу облаковъ, а громъ все ближе и сильнѣе раздаётся потрясающими перекатами то вправо, то влѣво, передаваясь отъ горы къ горѣ. Минуемъ лежащее въ сторонѣ селеніе *Магарово* (отъ *магаре* или *мгаре* = осель, конечно). Другое смежное село намъ назвали такъ, что въ немъ слышались и *Лопотинѡ* и *Рокоцинѡ* и *Логодинѡ*. Записывай, какъ хочешь! Глухая угроза неба перешла наконецъ въ дѣйствительность. Насъ, какъ говорится, всполоснуло. Но, къ счастью, главная масса тучи прошла лѣвѣе нашего пути. Часа въ 4 мы достигли одного хана, гдѣ отдохнули и немного обсохли. Тутъ насъ нагналъ остававшійся въ городѣ нашъ колонновожатый. Мы сообщили ему планъ свой — искать ночлега на нынѣшній день не въ *Реснѣ*, а въ монастырѣ *Слимниѡкомъ*, гдѣ вмѣсто матрацовъ и подушекъ ожидаютъ насъ старыя мембраны и бомбицины съ ароматическимъ запахомъ столѣтій. На положительный взглядъ и духъ служебнаго человѣка поэзія словъ нашихъ не оказала желаемого дѣйствія. Потребованъ былъ на совѣтъ всевѣдущій Търпко, какъ присяжный доставитель необходимыхъ свѣдѣній. Старикъ объявилъ, что

хотя онъ и не былъ въ *тѣхъ* мѣстахъ, но съ охотою поѣдетъ *туда*, ибо ему все равно,—Слимница, такъ Слимница! Ханьджи съ своей стороны замѣтилъ, что монастырь недалеко, и что намъ стоитъ только отъ *Діавато* взять налѣво, и дорога прямо приведетъ насъ въ Слимницу. Мы посмотрѣли на небо, гдѣ на тотъ разъ показалось солнышко, игравшее радужными цвѣтами и какъ бы говорившее намъ: поѣзжайте съ Богомъ! Мы точно сѣли на лошадей и поѣхали, но скоро убѣдились, что смыслъ радуги скорѣе былъ предостерегательный, чѣмъ поощрительный. Это значило, что начинался опять дождикъ, незамѣтно подступавшій къ намъ все съ того же запада. Дорога продолжала идти въ подъемъ. Видно, что мы, согласно съ картой, пересѣкали горный хребетъ или отрогъ все той-же Перистерии, въ наиболѣе пониженномъ его перевалѣ, оттого вѣроятно и названномъ *Діавато*, т. е. переходомъ. Достигли и намѣченнаго мѣста поворота, оказавшагося не *Діаватомъ*, а *Джаватомъ*. Неудачная острота, что буква *i* вмѣстѣ съ нами подъ дождемъ размокла и вытянулась въ *j*, заглушена была опять ударомъ грома, обѣщавшаго повтореніе грозы, съ тою разницею, что теперь дѣло шло къ ночи.—Ну, такъ куда же? спросилъ передовой нашъ, остановившись какъ разъ на вершинѣ треугольника, образуемаго двумя расходящимися дорогами. Человѣкъ очевидно игнорировалъ принятое уже рѣшеніе. Слѣдовало потому прибѣгнуть къ маневру и смиренно отвѣтить: поелику дождь начинаетъ расходиться и грозить всполоснуть насъ хуже прежняго, и поелику до Ресны далеко, а Слимница должна быть подъ рукою, то... Вопроситель удовольствовался тѣмъ, что протянулъ сквозь зубы слова: должна быть, и поворотилъ коня своего налѣво по дорогѣ въ монастырь, о которомъ не у кого было забрать новыхъ, болѣе подробныхъ свѣдѣній. Бросивъ прощальный взоръ на открывавшуюся вдали равнину, тезоименно зовомую *Равнию*, на которой ожидалъ насъ городокъ *Ресна*, мы всѣ потянулись въ Слимницу, воображая ее себѣ заранѣе,

кто Слѣпштемъ, кто Златоверхомъ. Я мысленно уже проводилъ наступающую ночь за гнилыми фоліантами съ курьезными приписками въ родѣ: „блоуди, блуди иноче“... Курьезъ вышелъ пожалуй еще и позанимательнѣе книжной замѣтки. Инокамъ пришлось не только поблудить, но и заблудиться по пути къ Слимницѣ. Дорожка наша шла косогоромъ, по склону конечно все той же еще Перистери, дѣлая зигзаги и нечувствительно поднимаясь. Черезъ полчаса, думаю, мы въѣхали въ густой лѣсъ, который не замедлили назвать монастырскимъ, повторивши при этомъ типическое замѣчаніе о красотѣ мѣстоположенія обителѣй иноческихъ вообще. Кстати, лѣсъ давалъ намъ нѣкую защиту и отъ расхлывшагося дождя. Только что я, при видѣ непроглядной гущины древесной, вдаль въ расблужающія представленія неисходимыхъ лѣсовъ другой великой земли славянской, какъ зловѣщій Търпко сдѣлалъ какъ бы про себя, смутившее насъ замѣчаніе, что дорога-то не похожа на проѣзжую. Ему, конечно, знать про то. Въ самомъ дѣлѣ, мало-по-малу изъ дороги она перешла въ дорожку, а потомъ въ стежку, и только что готовилась сдѣлаться тропкой, какъ вышла на площадку сажени въ двѣ-три въ квадратѣ, и... кончилась! Началось траги-комическое представленіе. Передовой всадникъ повернулся съ конемъ поперегъ площадки, подперся въ бокъ руками, и обозрѣвая компанію, произнесъ: ну-съ?.. Эффектъ выходилъ разительный, но полнотѣ его мѣшалъ проливной дождь. Въ критическія минуты эти не слѣдовало терять присутствія духа. Я поворотилъ свою лошадь назадъ и сказалъ стоически: если нѣтъ дороги впередъ, то есть она назадъ. Зѣвать нечего.—Но вѣдь такъ пройдетъ цѣлый часъ, пока мы только выѣдемъ опять на большую дорогу, а уже сумерки! замѣтилъ кто-то съ боку.—А пока мы не выѣдемъ никуда, сколько пройдетъ времени? отвѣтилъ другой голосъ... Въ разговорѣ этомъ слышалось нескрываемое раздраженіе. Нечего было дѣлать. Повернули и поплелись откуда пріѣхали. Но Богъ послалъ намъ утѣшеніе, какого

и не чаяли. Дождь перестал шумѣть и послышался въ сторонѣ стукъ топора. Перебросились междометіями: *эй* и *ай*, и изъ чащи показалась фигура дровосѣка. Пошли распросы. Оказалось, что *Слимница* тамъ далеко, и дороги къ ней отсюда совсѣмъ нѣтъ. — Ну, а *Ресна*? — Къ *Реснѣ* послѣ такого дождя ночью оказалось тоже не легче добраться, чѣмъ къ *Слимницѣ*. — Да онъ то самъ откуда? — спросили мы. — Тутъ, съ мельницы, отвѣчалъ дровосѣкъ. Ну, что-же! И отлично! Поѣдемте на мельницу! Но вмѣсто мельницы намъ отрекомендованъ былъ ханъ гораздо ближе, — на берегу озера. Оставалось просить благовѣстника провести насъ къ вождедѣнному тихому пристанищу, въ чемъ конечно отказа не послѣдовало. На сердцѣ отлегло. Лица замѣтно повеселѣли, на сколько это можно было читать на нихъ при свѣтѣ сумерокъ. Въ виду возможной перспективы нескончаемыхъ остротъ надъ неудавшимся походомъ на рукописи, тутъ же, прежде чѣмъ двинуться съ мѣста, положено было не вспоминать про *Слимницу* сего дня во весь вечеръ. За опытнымъ проводникомъ мы стали пробираться чуть не ощупью между деревьями и камнями, дѣлая несчетные повороты и все спускаясь. Несмотря на прекратившійся дождь, насъ обливало, какъ изъ душа, всякій разъ, какъ приходилось задѣвать за древесныя вѣтви. Все отъ зонтика до подошвы сапога было мокро насквозь и прилипло къ тѣлу. Выбрались наконецъ изъ лѣса и еще могли различить впереди себя огромную площадь воды, отливавшую на поверхности своей еще кое какіе остатки вечерняго мерцанія. Уходило все въ природѣ и въ душѣ. Еслибъ не крайняя усталость и не налегшая на плечи водянистая масса платья, ледянившая мозгъ, то давно бы уже развязались и языки путниковъ, чего одного не доставало каравану нашему. Вотъ и совсѣмъ спустились въ *Равну*. Еще мало, и мы уже стоимъ, и другъ за другомъ сползаемъ съ лошадей своихъ у какого-то чорнаго пятна на темномъ фонѣ. Это былъ желанный ханъ *Гръчанскій*. Грязь по лодыжку была намъ первымъ привѣтствіемъ. Она же

замѣняла полъ и въ самомъ ханѣ, по крайней мѣрѣ въ его передней комнатѣ, гдѣ устроена дымовая труба, подъ которою разводится въ зимнее время огонь. На наше счастье, въ гостепріимной хлѣвинѣ не было на тотъ разъ никого, кромѣ насъ. Оттого, на правахъ полныхъ хозяевъ, мы немедленно завладѣли очагомъ, договорившись съ ханъджи, чтобы всю ночь держался на немъ огонь неугасимый, хотя бы для этого потребовалось порубить всѣ, тутъ же стоявшія, пустыя бочки и другіе сгораемые предметы. Часа три продолжалась сушка платья. Самоваръ неоднократно разогрѣвался въ теченіи этого времени, прибавляя дымъ къ дыму до того, что мы уже съ трудомъ различали другъ друга. Съ немалыми усиліями мы могли устроить себѣ сухое ложе по близости огня. Покоясь на немъ и грѣя попережѣнно то одинъ, то другой бокъ, подъ защитою отъ возобновившейся ярости стихій, находимъ, что равнаго нашему благополучію и нѣтъ на землѣ! пламень очага рисуетъ на стѣнахъ силуэты прижавшихся къ нимъ фигуръ. Царствуетъ мертвая тишина. И вдругъ предательское: хи! вылетаетъ изъ угла!—А вы что хихикаете? Развѣ забыли, что условились не вспоминать про Слимницу?..—залпъ хохота служитъ отвѣтомъ увѣщателю. Но... довольно на сей памятный день.

Ресна. 2 Іюня 1865. Среда.

Къ утру и огонь погасъ, и заходилъ по лачугѣ холодный вѣтеръ, возвратилась сырость, поднялся кашель... кто-то, выглянувшій за двери, утѣшаетъ извѣстіемъ, что „неба не видно“, и что дождь хлещетъ, какъ вчера у..... Подъ вліяніемъ такихъ вѣстей, прошла охота спать. Встали, когда не было видно еще и земли, развели огонь и снова „насушивались на дорогу“. Отъ огорченія даже самовара не поставили и, стоя, толклись на одномъ мѣстѣ, въ ожиданіи, пока Търпко приготовить намъ лошадей. Давно уже не запомню такого скучнаго и

тяжелаго утра. Кажется, рѣшишь только задѣть когонибудь хотя малѣйшимъ вопросомъ, такую отвѣтитъ тебѣ любезностію, что радъ будешь прикинуться глухимъ. Чуть разсвѣло на столько, что можно стало различить лужу съ озеромъ, чтобъ не захватить въ послѣднее, мы сѣли на коней, и потянулись молчаливой вереницей, укрываясь подъ зонтиками отъ неумолимаго дождя, на сѣверъ къ *Реснѣ*. Холодный январскій вѣтеръ дулъ намъ прямо въ лице и мѣшалъ смотрѣть по сторонамъ. Объ озираніи вспять на озеро не могло быть и рѣчи. Оттого, общій видъ его не напечатлѣлся въ моей памяти. Бывальцы утверждали, что есть сходство мѣстности съ іорданскою равниною при Мертвомъ морѣ, при чемъ положеніе тамошняго Іерихона будетъ соответствовать здѣшней Реснѣ. Только такого холода вѣроятно никогда отъ вѣка не бывало на знаменитой равнинѣ библейской, какой со всѣмъ неожиданно встрѣтили мы сегодня здѣсь въ іюнѣ мѣсяцѣ. Правда, мы были вѣроятно тысячи на три футовъ выше поверхности Мертваго моря, да градусовъ на десять можетъ быть и сѣвернѣе его. Главная же разница состоитъ въ томъ, что *Равну* окружають горы не чета Палестинскимъ, покрытыя, какъ мы видѣли, отчасти снѣгомъ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ. Западная береговина ея, смотря снизу, не поражаетъ своимъ суровымъ величіемъ, какимъ вѣяло отъ *Сухой Горы* и еще болѣе отъ *Перистеры*, но судя по картѣ, и она достигаетъ 5,000 футовъ высоты. Слѣдовательно, есть гдѣ развернуться и расходиться старой знакомкѣ нашей стужѣ. Не разъ пересѣкаемъ мы притоки рѣчки, несущей свои, теперь бурныя и мутныя, воды въ Преспу. Ресна дала намъ себя замѣтить далеко впереди двумя-тремя темными пятнами еще у самаго озера. Тонкій туманъ — дождь мѣшалъ опредѣлить глазомъ разстояніе ея отъ насъ, и оттого не мало раздражало насъ не скорое приближеніе наше къ ней. Досада изливалась разумѣется на лошадахъ, ни въ чемъ неповинныхъ, съ трудомъ волочившихъ ноги по топкой землѣ. Не чѣмъ было развлечь себя на ровнѣй-